

Дождь капал не переставая, редкие зонтики в переулке, словно распустившиеся цветки, выглядели жалко.

Фань Сянь с лёгкой улыбкой глянул на этого неуклюжего юношу и обнаружил, что тот уже сильно промок, поэтому промолчал. Если юноша и правда негодай, то у Фань Сяня прямо сейчас было в запасе по крайней мере пять разных способов мгновенно обездвигить его.

Было очевидно, что это просто бедный студент, который ходил купить жареную курицу для праздничной пирушки. Поэтому Фань Сянь даже не замедлил шага и, неся зонт, отправился дальше. Он шёл непринуждённо, и тот втиснувшийся под его зонтик юноша тоже повёл себя крайне непринуждённо, без лишних слов пристроился справа от Фань Сяня, скрывшись от дождя, и как ни в чём не бывало пошёл рядом с ним вперёд.

После того как они прошли под одним зонтом несколько десятков шагов, Фань Сяню стало всё сильнее казаться, что у этого юноши очень забавный характер. Если бы это был обычный учёный, стал бы он так безрассудно пристраиваться под чужой зонт, а потом молча идти рядом, не ощущая ни капли неловкости? Фань Сянь слегка наклонил голову и разок внимательно окинул взглядом юношу. Хотя у того и была весьма заурядная внешность, но брови оказались в высшей степени густыми, словно кто-то кисточкой как следует их нарисовал.

Тэн Цзыцзин следовал за ними в двух шагах позади.

Два человека под зонтом продолжали идти молча вперёд, непонятно, состязаясь ли они в выдержке или ещё в чём. В итоге первым не выдержал Фань Сянь и с улыбкой спросил:

— Как-то неловко говорить, но не знаю почему.

Услышав, что хозяин зонта заговорил, молодой учёный с крайне учтивым выражением улыбнулся и сказал:

— Если чиновник продажный, то он, конечно, не станет думать о благе государства, поэтому думать, что продажный чиновник может быть способным, само по себе крайне смешно.

Фань Сянь тоже улыбнулся и обнаружил, что двое под зонтом плохо умещаются и правое плечо юноши уже совсем мокрое, поэтому он немного сместил зонт вправо и ответил:

— Хотя продажный чиновник и не радеет за государство, но всё же это лучше, чем если чиновником станет ничего не умеющий человек, который будет действовать наобум.

Молодой человек поднял брови, словно не понимая этих слов:

— Если человек готов заниматься делом, то это всегда лучше, чем когда управление делами в запустении.

Фань Сянь стиснул ручку зонта, покачал головой и ответил:

— Если плотину не чинить, то не пройдёт и нескольких лет, как в ней появится дыра. Если честный чиновник, не разбирающийся в речных делах, станет наобум орудовать на плотине, то, возможно, каждый год будет появляться по несколько дыр. Как ты думаешь, народ, живущий у реки, больше хочет, чтобы чиновник был честным, старательным, но бестолковым, или способным, но нерадивым и продажным?

Молодой человек на какое-то время замолк, но потом рассмеялся и ответил:

— Боюсь, что это особый случай. Во время одного срока службы почтенного чиновника всегда есть необходимые дела, например, вести учёт урожая, помогать справляться со стихийными бедствиями, решать дела в суде. Если чиновник нерадивый, то его подчинённые будут всё делать как попало.

Фань Сянь улыбнулся и сказал:

— Поэтому самое важное — это способности, а не то, честный чиновник или продажный.

На самом деле его точка зрения не обязательно была верной, ведь на её формирование повлияли, в том числе, романы о чиновниках из прошлого мира, но для людей государства Цин в настоящее время подобное суждение было в новинку. Юноша, шедший с Фань Сянем под зонтом, невольно заинтересовался и спросил:

— Если чиновник со способностями до крайней степени продажный, неужели императорский двор сможет полагаться на него?

По неясной причине, когда Фань Сянь услышал это, то подумал о своём отце и о знаменитом порочном премьер-министре государства Цин Линь Жофу, хорошо известных своей коррумпированностью. Однако император отлично знал цену их способностям, поэтому до сих пор оставлял на своих постах. Ещё раз подумав о вопросе юноши, он покачал головой и сказал:

— Управление само по себе очень непростое дело, откуда же тут могут взяться простые решения? Но требовать, чтобы императорский двор жёстко контролировал чиновников, сам совершенствовался в добродетелях и добивался чрезмерной прозрачности, — это лишь пустые мечты.

— Неужели, если императорский двор усилит надзор, нельзя будет пресечь взяточничество? — молодой учёный нахмурился, толстые брови сошлись вместе: — Сейчас министра церемоний Го Ючжи заключили под стражу, а вот если бы Контрольная палата несколько лет назад уже проявила такую бдительность, как в этот раз, то разве могла бы экзаменационная система прогнать до такой степени, как сейчас?

На тему государственной политики у Фань Сяня на самом деле не было разумных предложений. Но в душе у него имелись некие умозрительные, пусть даже и вредные для страны смутные помыслы. Воодушевившись, он произнёс:

— Если бы глава Контрольной палаты Чэнь дал взятку Го Ючжи, чтобы протолкнуть своего сына или племянника в первую тройку, то тогда, по-твоему, кто должен был бы надзирать за этим?

Юноша неодобрительно ответил:

— Конечно же, от взгляда императора ничего не может укрыться.

Фань Сянь ещё более неодобрительно спросил:

— Полагаться только на одного человека, чтобы исцелить Поднебесную — разве может быть всё так просто?

На самом деле он хорошо понимал, что у императора наверняка есть скрытые способы уравнивать надзирательную монополию Контрольной палаты, более того, эти способы, скорее всего, имели отношение, в том числе, к непроявленной силе его отца, однако немного незрелые политические понятия из прошлого мира заставляли Фань Сяня презрительно воротить нос от таких способов. Он всегда полагал, что наследный принц, который смотрел на Поднебесную как на кормушку с жирным мясом, не обладает достаточной прозорливостью и не станет тратить силы на то, чтобы постичь всю несправедливость в верхних эшелонах чиновничества.

Так за разговорами эти двое добрались до постоянного двора, где молодой человек мило улыбнулся и сказал:

— Спасибо за то, что поделились со мной зонтом, я дошёл до места.

Фань Сянь чуть наклонил зонт, чтобы рассмотреть название постоянного двора. Какое совпадение: он сам тоже как раз искал именно это место. Он улыбнулся:

— Давайте зайдём вместе, я шёл сюда, чтобы найти кое-кого.

Имя постоянного двора было благоприятным, простым и демократичным: «Двор общего благополучия».

Когда они вошли, то Фань Сянь узнал, что его собеседника зовут Ши Чаньли и он тоже приехал в столицу на экзамен. Но сейчас Фань Сяню не хотелось раскрывать свою личность, поэтому он представился лишь одной фамилией Фань.

— Кого пришёл искать господин Фань? — По одежде и украшениям своего собеседника Ши Чаньли только сейчас понял, что тот из знатной и влиятельной семьи, поэтому говорил уже не так свободно, как при беседе под зонтом, а гораздо более сдержанно: — Я пришёл навестить друзей, и сейчас мне неудобно продолжать разговор. Если судьбе будет угодно, то ещё встретимся.

После этих слов он поклонился Фань Сяню и отправился в уголок общей гостиной постоянного двора. Там стоял стол с вином, а за ним сидели и выпивали два студента, ещё один уже напился и спал, упав грудью на стол. На столе у них не было никаких закусок: похоже, они ждали жареной курочки Ши Чаньли.

Фань Сянь прищурился и разглядел, что спящий за столом человек и есть Ян Ваньли, к которому он пришёл. Слегка улыбнувшись, он отправился к столу вслед за Ши Чаньли.

Не заметивший этого Ши Чаньли развернул промасленную бумагу и положил курицу на стол, а потом начал бранить переставших пить вино двух друзей:

— Хорош же ты, Хоу Цзичан, отправил меня за закуской, а сам даже вина мне не оставил.

Хоу Цзичан улыбнулся:

— Это дешёвое вино, которое я купил в переулке до этого, на вкус ужасное, но пьянит отменно. Познакомься, это талант из Шаньдуна Чэн Цзялинь.

Только он указал рукой в сторону Чэн Цзялиня, как вдруг обнаружил, что за спиной Ши Чаньли стоит ещё один человек и широко улыбается. Этот прелестный господин внезапно показался ему смутно знакомым.

— Брат Ши, а это?.. — немного недоуменно спросил Хоу Цзичан.

Ши Чаньли замер, обернулся и обнаружил, что вслед за ним к столу подошёл Фань Сянь:

— Господин Фань, я просто прошёлся под вашим зонтом, неужели вы хотите взять с меня за это плату?

Фань Сянь заметил, что, кажется, его опасаются, видимо, понимая, что он из влиятельной семьи, поэтому не торопятся слишком уж сближаться. И тогда он улыбнулся и ответил:

— Я не посмею брать за это деньги, но не откажусь от кусочка принесённой господином Ши курицы.

Ши Чаньли ничего не оставалось, как ответить:

— Разве вы не пришли сюда, чтобы разыскать кого-то?

— Бывает, что сносил железные туфли, пока искал, а потом получил без усилий, — слегка улыбнулся Фань Сянь.

Когда он впервые встретил императора на берегу реки Люцзинхэ, то уже использовал это выражение и тогда не получил никакой реакции, но сейчас он произнёс его в кругу учёных людей, и, как и следовало ожидать, Хоу Цзичан сразу же понял, что оно означает, и с большим интересом спросил:

— Господин Фань пришёл ради нас?

Фань Сянь указал на пьяного Ян Ваньли и сказал:

— Я знаком с господином Яном, поэтому сегодня пришёл специально, чтобы нанести ему визит.

Хоу Цзичан улыбнулся и сказал:

— Никогда не слышал, чтобы у Ваньли в столице был такой богатый и экстравагантный друг. Прошу, господин Фань, присаживайтесь с нами, поговорим, выпьем вина, закусим курицей. Если не побрезгуете, то и хорошо. — Ши Чаньли с самого начала понравилась манера Фань Сяня вести разговор, а теперь, когда оказалось, что тот друг его друга, он перестал относиться к нему отчуждённо и с улыбкой пропустил сесть к столу.

Чэн Цзялинь долго пытался растолкать Ян Ваньли, но безуспешно. В итоге ему осталось лишь невольно улыбнуться Фань Сяню. Фань Сяню же было любопытно узнать кое-что другое, он сложил руки в жесте выражения уважения по отношению к Хоу Цзичану и спросил:

— Не знаю, как зовут этого уважаемого друга?

— Хоу Цзичан.

— Почему господин Хоу решил, что я богатый и экстравагантный сын из знатной семьи? — услышав имя Цзичан*, Фань Сянь улыбнулся и сказал: — Вроде на вид я не круглолицый толстопуз, посмотрев на которого сразу можно понять, что он целыми днями только ест и ничего не делает.

Хоу Цзичан рассмеялся и извинился:

— На вас дорогая одежда, разве простой учёный может себе такую позволить? Что касается «богатого и экстравагантного», мы часто зовём так людей в шутку, прошу господина не

обижаться. — Ему всё время казалось, что лицо этого господина ему знакомо, но подвыпивши он не мог как следует всмотреться, поэтому и припомнить не получалось.

— Что вы, что вы, — мягко улыбнулся Фань Сянь и сел за стол.

Учёные часто склонны вести себя непринуждённо: объявился вдруг незваный гость, они и не против. Всё равно добудиться Ян Ваньли ещё долго не выйдет, поэтому кроме убедившего Фань Сяня выпить несколько рюмок Чэн Цзялиня остальные двое не проявляли инициативы и лишь тихо пили вино. Но вина было мало, а желаний много, и они снова разговорились.

Однако разговор пошёл не о каких-то мистических заумных вещах, а об экономике и уровне жизни в государстве Цин. Фань Сянь оторвал куриную ножку и стал неторопливо грызть, одновременно слушая обсуждение. Он обнаружил, что взгляды Хоу Цзичана близки воззрениям легистов** и превыше всего он ставит закон, а Ши Чаньли ценит чувства, поэтому во главу угла ставит воспитание.

Слово за слово, и стало понятно, что в их представлении закон вовсе не должен быть постоянно бесчеловечным, а воспитание не должно постоянно взывать к разуму, всё-таки оба учёных очень ясно мыслили. Иногда разговор касался политических тем управления отдельными уездами, и они очень подробно анализировали эти вопросы, не растекаясь мыслию по древу, что совсем не походило на разговоры обычных учёных, которые вечно разглагольствуют сразу о всей Поднебесной, совершенно не понимая, что Поднебесная слишком необъятна для кругозора большинства людей.

Чем больше Фань Сянь слушал, тем больше ему нравилось. Работа Хоу Цзичана на экзамене была одной из тех, которой он самовольно наклеил короткую полоску. Похоже, чутьё его не подвело. Ши Чаньли был мягкий и беззаботный по характеру, почему же во время экзамена он совсем не запомнился?

В то время как Фань Сянь сидел с довольным видом, внезапно мягкий по характеру Ши Чаньли хлопнул рукой по столу и возмущённо провозгласил:

— Как ни посмотри, во всём виноват этот молодой господин Фань!

Фань Сянь невольно изумился.

* Цзичан - имя известного персонажа подкаблучника.

** легисты - философская школа в Китае VI-III вв. до н. э.